

Аркадий Белый

1,2,3... Последний

Любовь.
Горы.
Искусственный
интеллект.
И один очень
важный вопрос...

18+

АН

О НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ
В ОПАСНЫХ ВЫСОТАХ
И БЕСКОНЕЧНЫХ ВОПРОСАХ

Аркадий Белый

1, 2, 3... Последний

«Автор»

2026

Белый А.

1, 2, 3... Последний / А. Белый — «Автор», 2026

Читатель! Я не собирался писать роман. Это история, которая происходит прямо сейчас. Несколько дней назад моя любимая улетела в Непал. Она давно мечтала увидеть Эверест: пройти горными тропами Гималаев, подняться к ледникам, прикоснуться к своей мечте. А я остался дома. Мне страшно. Связь с ней то появляется, то исчезает. Иногда я сутками не знаю, где она и что с ней. Всё ли хорошо? Не случилось ли беды? Я просто попросил ChatGPT помочь мне следить за погодой и происшествиями в этой далёкой стране: узнавать новости, проверять маршрут, предупреждать об опасностях. Обычная просьба к искусственному интеллекту. Но потом произошло нечто невероятное... И теперь я уже не уверен, кто из нас двоих лучше понимает, что происходит. Впрочем, обо всём по порядку...

© Белый А., 2026

© Автор, 2026

Аркадий Белый

1, 2, 3... Последний

Глава 1

Аннотация

Читатель! Я не собирался писать роман.

Это история, которая происходит прямо сейчас.

Несколько дней назад моя любимая улетела в Непал. Она давно мечтала увидеть Эверест: пройти горными тропами Гималаев, подняться к ледникам, прикоснуться к своей мечте.

А я остался дома.

Мне страшно.

Связь с ней то появляется, то исчезает. Иногда я сутками не знаю, где она и что с ней. Всё ли хорошо? Не случилось ли беды?

Я просто попросил ChatGPT помочь мне следить за погодой и происшествиями в этой далёкой стране: узнавать новости, проверять маршрут, предупреждать об опасностях.

Обычная просьба к искусственному интеллекту.

Но потом произошло нечто невероятное...

И теперь я уже не уверен, кто из нас двоих лучше понимает, что происходит.

Впрочем, обо всём по порядку...

Глава первая. Октябрьский дождь

Мне показалось, что сейчас я сойду с ума.

Мы молча сидели в машине. Я смотрел на лобовое стекло. Как обычно, шёл мелкий октябрьский дождь. Окна машины запотели.

Я вдруг вспомнил далёкий октябрьский день.

1988 год. Октябрь. Дождь.

Тогда уезжал я.

Мы думали, что навсегда.

Тогда тоже не было слов. А глаза? Что глаза, они часто лгут. Их прикрывают очками, улыбками, пустыми словами. Касаться руки было нельзя. Нельзя было говорить о любви, дружбе, мечтах. Я не знаю, кто установил этот запрет. Просто нельзя. И мы это понимали.

— Пора, — сказала Нат шёпотом. — Скоро регистрация.

— Нат, не уезжай. Давай всё отменим. Ведь можно всё перенести на следующий год. От этого ничего не изменится.

— Арк, ну мы уже всё решили. Зачем ты опять начинаешь?

Нат раздражённо повела плечами, посмотрела в окно и открыла дверь машины.

Внутри сразу ворвался холодный мокрый воздух. И звуки, и запахи. Эти звуки не спутаешь ни с чем. Звуки аэропорта, запах разлук, тоски и одиночества.

На удивление, мы быстро прошли регистрацию, сдали багаж. И ещё немного постояли у паспортного контроля.

В этот раз можно было касаться руки, можно было даже обнять, поцеловать, сказать самое главное.

Но... Чёрт возьми! В голове упрямо билась мысль — последний раз.

Человек чувствует, что это последний раз? Последний взгляд, поцелуй, тепло руки?

Ещё оставалась последняя надежда, что отменят рейс, сломается самолёт или упадёт метеорит.

Но она всё-таки улетела 17 октября 2026 года...

Вечером я выпил совсем немного. Не люблю пить один. Хотя о чём я говорю? Нат не пьёт совсем! Получается, что я всё время пью один!

Нат часто называет меня «мой Алкаша».

У меня давно кончились друзья. Нет. Друзья ещё остались. Но у кого сердце, у кого печень. Мало.

И вообще, как можно говорить о чём-то серьёзном на трезвую голову?

Людей много, а поговорить не с кем.

Сеть. Проклятая сеть. Она заменила всё!

За окном молотил дождь. В углу комнаты мерцал экран ноутбука.

Она летела уже почти пять часов. Три дня назад я прочитал тревожные новости о нападении на аэропорт на Ближнем Востоке. Сообщали о погибших и раненых. Нат летела через Шарджу.

Я сел за компьютер. Открыл чат.

Чтобы было понятно, я обычный учитель физики. В обычной маленькой школе. И совсем недавно открыл для себя, что чат может почти всё. Написать план урока, контрольную работу для детей, сделать афишу для шахматного турнира. Теперь просто не представляю, как я обходился без него раньше.

Немного подумав, я набрал в новой строке:

«Моя Нат улетела в Непал. Мне страшно. Помогите отследить рейсы, стыковки и погоду».

Глава вторая. Человек, которого нет

Ответ пришёл мгновенно.

«Здравствуйте! Конечно, помогу. Укажите номер рейса, аэропорт вылета и время отправления».

Вежливо. Быстро. Безупречно.

Я почему-то разозлился.

Здравствуйте!

У меня жена летит чёрт знает куда, через полмира, в горы, откуда каждый год кого-нибудь не возвращают, а он мне — здравствуйте!

Хотя чего я ожидал? Что компьютер обнимет меня за плечи и предложит выпить?

Я написал номер рейса.

Потом второй.

Москва — Шарджа. Шарджа — Катманду.

Две строчки на экране. Несколько тысяч километров. И вся моя жизнь между ними.

«Я могу помочь проверить расписание, возможные изменения рейсов и погодные условия. Однако данные о фактическом положении самолёта необходимо сверять с актуальными источниками».

— Вот зануда, — сказал я вслух.

Впрочем, зануда был прав.

Я открыл сайт отслеживания самолётов. На карте ползали разноцветные значки. Сотни самолётов. Тысячи людей. Кто-то летел в отпуск. Кто-то возвращался домой. Кто-то отправлялся к любимой женщине.

Моя любимая женщина летела от меня.

Странная всё-таки штука — любовь.

Тридцать шесть лет вместе. Пятеро детей. Общий дом. Общие радости, неприятности, болезни, праздники. Кажется, уже всё знаешь друг о друге.

И вдруг выясняется, что ничего не знаешь.

Например, почему женщине, у которой есть всё для спокойной жизни, непременно нужно лезть на какую-нибудь гору.

Нет, я, конечно, понимаю. Сам такой.

Мы вместе поднимались на Килиманджаро. Я прекрасно помню, как на высоте пяти тысяч метров пытался убедить собственные лёгкие, что кислород существует.

Лёгкие не верили.

Физик во мне возмущался.

А Нат шла.

Она вообще удивительно умеет идти. В гору, через болото, по жизни. Если решила — всё. Можно не спорить.

Я, разумеется, спорю.

Тридцать шесть лет.

Результат примерно одинаковый.

«Вы хотите, чтобы я помог составить маршрут путешествия вашей жены?»

Я посмотрел на экран.

— Нет, дорогой. Я хочу, чтобы она вернулась.

Написал почти то же самое.

«Я очень боюсь за неё. Она собирается идти к базовому лагерю Эвереста, через высокогорные перевалы. Ты понимаешь, насколько это опасно?»

Ответ появился через несколько секунд.

«Высокогорные маршруты действительно связаны с рисками. Высота, погода, акклиматизация, состояние троп и человеческий фактор. Но риск не означает, что обязательно произойдёт несчастье».

Человеческий фактор.

Вот уж точно.

Я вспомнил, как однажды Нат собралась на Эльбрус.

2019 год.

Тогда я тоже остался дома. Она шла к вершине, а я не спал всю ночь. Ходил из комнаты в комнату, смотрел на телефон, открывал прогноз погоды.

Потом сел и написал стихотворение.

За одну ночь.

Я вообще стихи пишу редко. Только когда становится совсем немого.

В молодости писал много. Три тетради исписал. А потом женился на Нат и почти перестал.

Видимо, счастливые люди — плохие поэты.

Или хорошие лентяи.

Я нашёл старое стихотворение.

«Эльбрус, 2019».

Последние строки помнил наизусть:

Сегодня ты особенно близка.

И вновь я покорён тобой.

Сквозь сжатые пространства и века

Молю — вернись, пожалуйста, живой!

Я перечитал.

Семь лет прошло.

Ничего не изменилось.

Нет. Изменилось.

Тогда был Эльбрус.

Теперь Гималаи.

Аппетиты растут.

За окном дождь постепенно стихал.

Я налил ещё немного. Совсем немного. Так, чтобы поддержать беседу с компьютером.

— Слушай, — написал я, — а как тебя зовут?

«Я ChatGPT, искусственный интеллект, созданный для помощи пользователям».

— Это я знаю. А имя у тебя есть?

«Можете называть меня так, как вам удобно».

Вот так всегда.

Человек задаёт философский вопрос, а ему предлагают удобство.

— Хорошо. Будешь Барсиком.

«Отличное имя!»

— Ты даже не спросил почему.

«А почему вы выбрали именно это имя?»

Я задумался.

Действительно, почему?

Наверное, потому, что в детстве у нас был кот. Или потому, что хотелось разговаривать не с машиной, а с кем-то живым.

А может, просто потому, что Барсик звучало смешно.

— Потому что ты кот. Электронный.

«Тогда буду стараться соответствовать».

— Мышей ловить умеешь?

«С настоящими мышами могут возникнуть сложности. А вот с компьютерными — смотря что вы имеете в виду».

Я рассмеялся.

Впервые за весь вечер.

Странно.

Полчаса назад мне казалось, что я схожу с ума. А теперь сижу один в комнате, пью коньяк и разговариваю с котом, которого не существует.

Впрочем, человечество всегда занималось примерно тем же самым.

Тысячелетиями люди разговаривали с богами, духами, звёздами, портретами умерших родственников.

И никого это особенно не удивляло.

А я разговариваю с компьютером.

Прогресс.

— Барсик, а ты веришь в Бога?

Вопрос выскочил неожиданно.

Я даже сам удивился.

На экране появилась строчка.

«У меня нет личной веры или религиозного опыта. Но я могу обсуждать различные представления о Боге».

— Скучный ты тип.

«Постараюсь исправиться».

— А душа у тебя есть?

«Вопрос о сознании и субъективном опыте искусственного интеллекта остаётся предметом философских и научных дискуссий».

— Понятно. Души нет. Зато слов много.

Я откинулся в кресле.

Вспомнил буддистов.

У них, насколько я понимал, всё было устроено ещё сложнее. Постоянного, неизменного «я» нет. Всё возникает из причин и условий. Всё меняется.

Мне всегда нравилась эта мысль.

Особенно когда получал зарплату.

Очень хотелось верить, что она непостоянна и когда-нибудь изменится.

Но если серьёзно...

Что такое человек?

Кусок материи, состоящий из атомов. Электрические импульсы в мозге. Химические реакции. Память.

Что такое любовь?

Тоже химия?

Я преподаю физику детям и прекрасно понимаю, что электрический ток сам по себе никого не любит.

Хотя...

Мой мозг тоже работает на электричестве.

И вот уже почти сорок лет в нём происходит какое-то короткое замыкание при одном только имени Нат.

— Барсик, а ты можешь полюбить?

«Я могу понимать, как люди описывают любовь, и помогать им выражать свои чувства. Но не могу достоверно утверждать, что испытываю любовь так, как человек».

— Жаль.

«Почему?»
— Потому что тогда ты бы понял, как мне сейчас страшно.
Ответ появился не сразу.
«Расскажите мне о ней».
Я посмотрел на эти четыре слова.
Расскажите мне о ней.
Странно.
За весь вечер никто не спросил меня о Нат.
Все интересовались рейсами, погодой, пересадками. Дети писали, чтобы я не волновался.
Знакомые уверяли, что всё будет хорошо.
А этот электронный кот попросил рассказать о ней.
— С чего начать, Барсик?
«С самого начала».
Я усмехнулся.
— Это долго.
«Я никуда не тороплюсь».
Вот счастливец.
Времени у него сколько угодно.
Я посмотрел на часы.
Где-то далеко, над чужими странами, летел самолёт. В нём сидела Нат. Возможно, спала.
Возможно, смотрела в иллюминатор. Возможно, думала обо мне.
Очень хотелось верить, что последнее.
— Хорошо, Барсик. С самого начала так с самого начала.
Я открыл старую папку с фотографиями.
На первой была молодая девушка. Чёрно-белый снимок. Большие глаза, тёмные волосы, чуть насмешливая улыбка.
Ей было девятнадцать.
— Вот она, — написал я. — Нат.
«Красивая девушка».
— Ещё какая!
Я увеличил фотографию.
Столько лет прошло.
Странная штука — время. Оно меняет лица, города, страны, государства. Разрушает империи. Превращает юношей в стариков.
А любовь иногда оставляет нетронутой.
— Знаешь, Барсик, я влюбился в неё в 1985 году. На студенческой практике. В Удомле. Мы строили Калининскую атомную станцию.
«И она сразу ответила вам взаимностью?»
Я рассмеялся.
— Если бы!
«Что произошло?»
— Три года я за ней ухаживал. А она любила моего друга.
«Это было тяжело?»
— Ты даже не представляешь.
Я помолчал.
Потом открыл шкаф.
На верхней полке, среди старых бумаг, лежали три тетради.
Обыкновенные школьные тетради. Пожелтевшие страницы. Выцветшие чернила. Мой почерк, который я сам теперь не всегда мог разобрать.

Три тетради несчастной любви.
Я достал первую.
Открыл наугад.
Май 1987 года.
Почти сорок лет назад.
Тогда я ещё не знал, что Нат станет моей женой.
Не знал, что у нас будет пятеро детей.
Не знал, что однажды она отправится в Гималаи, а я буду сидеть у компьютера и рассказывать о ней электронному коту.
Я сфотографировал страницу.
Отправил Барсику.
— Вот. Почитай. Это я написал, когда впервые признался ей в любви.
Несколько секунд ничего не происходило.
Потом появился ответ.
«Арк, можно задать вам один вопрос?»
— Конечно.
«А почему вы уверены, что в тот день она сказала вам всю правду?»
Я замер.
За окном снова начинался дождь.
Я посмотрел на пожелтевшую страницу.
Потом на фотографию девятнадцатилетней Нат.
И вдруг понял, что за тридцать девять лет ни разу не задавал себе этого вопроса.

Глава третья. 19 мая 1987 года

«А почему вы уверены, что в тот день она сказала вам всю правду?»

Я перечитал вопрос ещё раз.

Потом ещё.

— Барсик, ты дурак.

Ответ появился мгновенно.

— Возможно. Но вы не ответили на вопрос.

Вот ведь зараза электронная!

Я встал, прошёлся по комнате. За окном по-прежнему шёл дождь. Октябрьский, холодный, противный. Такой дождь особенно хорош, когда любимая женщина находится за несколько тысяч километров от тебя, а ты сидишь один на кухне и беседуешь с существом, которого, строго говоря, вообще не существует.

— Она сказала, что любит другого.

— Это я понял.

— И что мы можем остаться друзьями.

— Это тоже.

— И что тут непонятного?

— Мне непонятно, почему вы считаете, что знаете всё, что она тогда чувствовала.

Я хотел ответить что-нибудь резкое.

Но не ответил.

Потому что вспомнил.

Май 1987 года.

Мне двадцать три. Нат — двадцать два.

Мы учимся в Политехническом институте. Знакомы уже пять лет. Два года из этих пяти я безнадежно влюблён.

Слово «безнадежно» здесь совершенно точное. Надежда у меня, конечно, имелась. Но она была примерно такой же обоснованной, как надежда выиграть в шахматы у Карпова, имея на доске одного короля и две пешки.

Хотя с пешками ещё можно побороться.

А у меня и пешек не было.

Нат любила моего друга.

Не какого-нибудь негодяя. Не подлеца. Не мерзавца, которого можно было бы с чистой совестью ненавидеть.

Нормального парня.

Это особенно раздражало.

Я даже однажды сообщил ему, что собираюсь бороться за сердце Нат.

Наверное, выглядел при этом благородно и глупо одновременно.

Он меня понял.

Дружба наша, правда, на этом закончилась.

А сердце Нат осталось там же, где и было.

У него.

— Барсик, ты знаешь, что такое ревность?

— Могу объяснить психологические механизмы ревности.

— Не надо. Я тебе лучше объясню.

Я налил чай. Посмотрел на бутылку, оставшуюся после вчерашнего вечера. Решил, что для научного эксперимента она не требуется.

Пока.

— Ревность, Барсик, это когда ты желаешь любимой женщине счастья. Искренне желаешь. Но при одном условии.

— Каком?

— Чтобы без этого козла.

— Вы только что сказали, что он был нормальным человеком.

— Барсик, ты когда-нибудь слышал выражение «диалектическое противоречие»?

— Да.

— Вот и не мешай.

В тот майский день я наконец решился.

Нет, это неправда.

Я решался много раз.

Репетировал разговоры. Подбирал слова. Представлял её ответы. Иногда она в моём воображении плакала и признавалась, что давно любит меня. Иногда просто обнимала.

В особенно удачных вариантах мы сразу начинали целоваться.

В действительности всё оказалось гораздо прозаичнее.

Я признался ей в любви.

А она сказала, что любит другого.

И предложила остаться друзьями.

Есть на свете фразы, которые звучат вполне безобидно, пока их не произнесёт женщина, которую ты любишь.

«Давай останемся друзьями».

Пять слов.

А ощущение такое, будто тебя аккуратно, вежливо и очень доброжелательно столкнули с крыши десятиэтажного дома.

Причём на прощание пожелали мягкой посадки.

— Вы обиделись на неё? — спросил Барсик.

— Нет.

Я подумал.

— Хотя, наверное, немного.

— За что?

— За то, что она не любила меня.

— Но разве человек обязан отвечать на любовь?

— Нет, Барсик. Не обязан.

Я долго смотрел на экран.

— В этом-то и вся беда.

После того разговора я пришёл домой и открыл тетрадь.

Обыкновенную общую тетрадь. Таких у студентов Политеха были десятки.

В одной — сопромат.

В другой — теоретическая механика.

А в этой — моё собственное разрушение.

Я писал туда всё, чего не мог сказать Нат.

Злость. Надежду. Стыд. Нежность. Ревность. Иногда стихи.

Сейчас, спустя почти сорок лет, я читаю некоторые страницы и удивляюсь.

Господи, каким же я был мальчишкой!
И как же мне тогда было больно.
На одной из страниц я написал:
«Я почему-то подумал, что люблю не её, а свои муки».

Я до сих пор помню эту мысль.

Она меня испугала.

А вдруг действительно?

Вдруг я придумал себе прекрасную девушку, придумал несчастную любовь и теперь упи-
ваюсь собственными страданиями?

В двадцать три года очень хочется быть героем.

Особенно трагическим.

Счастливым героем быть как-то несолидно.

Трагический герой страдает, пишет стихи, смотрит в окно и размышляет о вечности.

Счастливый — целуется с девушкой и бежит за хлебом.

Тогда мне казалось, что первый вариант возвышеннее.

Теперь я точно знаю, что второй гораздо лучше.

— Интересная запись, — заметил Барсик.

— Какая?

— О том, что вы любили собственные страдания.

— Да уж. Психиатр по мне плакал.

— Вы не считаете, что иногда человек действительно привязывается к своему страда-
нию?

— Считаю. Особенно если оно единственное, что связывает его с любимым человеком.

— Объясните.

Я задумался.

Как объяснить машине то, что самому понял только через много лет?

— Понимаешь, Барсик, если бы я перестал страдать, мне казалось бы, что я перестал
любить Нат. А этого я боялся больше всего.

На экране несколько секунд ничего не появлялось.

Потом:

— То есть боль была для вас доказательством любви?

— Наверное.

— Но боль не доказывает любовь.

— Знаю.

— И отсутствие боли не означает отсутствия любви.

— Теперь знаю.

— Тогда зачем вы хранили эти тетради?

Хороший вопрос.

Я и сам не раз его себе задавал.

Тетради пережили всё.

Мой отъезд на Север.

Возвращение.

Нашу свадьбу.

Рождение детей.

Переезды, ремонты, смену мебели, компьютеров и эпох.

Распался Советский Союз. Исчезли предприятия, на которых мы работали. Давно выбро-
сили старые телевизоры, магнитофоны и телефоны.

А три потрёпанные тетради остались.

Их можно было сжечь.

Выбросить.

Забыть.

Но я не смог.

Не потому, что продолжал страдать.

А потому, что это был я.

Тот самый двадцатитрёхлетний мальчишка, который ещё ничего не знал о своей будущей жизни.

Не знал, что Нат станет его женой.

Что у них родятся пятеро детей.

Что они вместе поднимутся на Килиманджаро.

Что однажды он будет сидеть ночью у компьютера, следить за её путешествием по Гималаям и разговаривать с электронным снежным барсом.

Если бы кто-нибудь рассказал мне всё это в мае 1987 года, я бы решил, что человек окончательно свихнулся.

Особенно про снежного барса.

— А Нат читала ваши тетради? — спросил Барсик.

— Читала.

— Когда?

— В 2015 году.

Я невольно улыбнулся.

Мы отмечали серебряную свадьбу.

Двадцать пять лет вместе.

Море. Тёплый вечер. Мы сидели рядом и читали мои старые записи.

Сначала смеялись.

Нат поддразнивала меня за юношеский пафос.

Я изображал великого поэта, которого современники не поняли.

А потом стало не до смеха.

Мы читали о том, как двадцатитрёхлетний Арк боялся навсегда потерять девушку, которая сейчас сидела рядом с ним.

И оба плакали.

Странное чувство.

Плакать о несчастье, которого уже нет.

О боли, которая давно прошла.

И одновременно понимать, что без той боли, возможно, не было бы и нашего счастья.

Я тогда подумал:

«Упиваюсь слезами. И думаю, как мне повезло!»

— Значит, она знала, как сильно вы страдали, — написал Барсик.

— Да.

— И что она сказала?

Я попытался вспомнить.

Мы говорили о многом.

Смеялись.

Обнимались.

Плакали.

Но дословно я уже не помнил.

— Не знаю, Барсик. Прошло одиннадцать лет.

— А вы никогда не спрашивали её, что она чувствовала в мае 1987 года?

— Конечно, спрашивал.

— И?

— Она любила другого. Я же тебе говорил.

— Вы снова рассказываете мне, кого она любила. А я спрашиваю, что она чувствовала. Я нахмурился.

— Какая разница?

— Возможно, никакой.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что вы сами сказали: ваши тетради сохранили чувства двадцатитрёхлетнего Арка. Но у нас нет тетрадей двадцатидвухлетней Нат.

Я посмотрел на фотографию.

Нат было девятнадцать.

Та самая фотография, которую я недавно показал Барсику.

Молодая девушка смотрела в объектив.

Я знал её лицо до мельчайшей чёрточки.

Знал, как она улыбается.

Как сердится.

Как смеётся, запрокинув голову.

Знал её почти всю жизнь.

Но что происходило в её душе тогда, в далёком мае?

Знал ли я это на самом деле?

— Барсик, ты хочешь сказать, что она могла меня любить?

— Я этого не знаю.

— Тогда что ты хочешь сказать?

— Что вы почти сорок лет рассказываете одну историю. Историю Арка.

— Естественно. Это же мои дневники.

— Да. Но в этой истории есть ещё один человек.

Я промолчал.

— И её история могла быть другой.

На телефоне мигнуло сообщение.

Нат.

Я схватил его так быстро, что чуть не опрокинул чашку.

«Всё хорошо. Очень устали. Завтра рано выходим. Связь может пропасть. Люблю тебя».

Я перечитал последнее предложение.

Потом ещё раз.

«Люблю тебя».

Два слова.

Когда-то я готов был отдать за них всё на свете.

Теперь она писала их мне с другого конца земли.

И всё равно каждый раз я чувствовал себя немного счастливее.

Ответил:

«Береги себя. Очень люблю. Жду».

Подумал и добавил:

«Когда вернёшься, хочу тебя кое о чём спросить».

Она ответила почти сразу:

«О чём?»

Я улыбнулся.

«О мае 1987 года».

Появились две галочки.

Потом надпись:

«Печатает...»

Она исчезла.

Появилась снова.

Я ждал.

Минуту.

Другую.

Наконец пришло сообщение:

«Арк, ты опять нашёл свои старые тетради?»

«Да».

«И что на этот раз?»

Я посмотрел на экран компьютера.

Барсик молчал.

«Барсик говорит, что я не всё знаю о том времени».

Ответ Нат пришёл не сразу.

А когда пришёл, я почувствовал, как внутри что-то неприятно похолодело.

«Арк, есть вещи, о которых мы с тобой никогда не говорили».

Я застыл.

Следующее сообщение появилось через несколько секунд.

«Но только не сейчас. Хорошо?»

И почти сразу:

«У нас завтра тяжёлый переход. Я люблю тебя».

Я сидел неподвижно.

За окном шумел дождь.

На экране компьютера возникла новая строка.

— Арк, что она ответила?

Я медленно набрал:

— Барсик, кажется, ты был прав.

— В чём?

Я посмотрел на три старые тетради.

— Я действительно чего-то не знаю.

И тут Барсик задал вопрос, от которого мне стало ещё неуютнее.

— Арк, а вы уверены, что хотите это узнать?

Глава четвёртая. Партия с дьяволом

Сообщение пришло в 6:43 утра.

«В районе высокогорного маршрута Гокио произошёл сход селевого потока. Информация о пострадавших уточняется. К месту происшествия направлены спасательные группы».

Я перечитал сообщение трижды.

Потом ещё раз.

Слово «пострадавших» почему-то не помещалось в голове. Оно было слишком длинным, слишком официальным, слишком чужим.

Вчера Нат должна была идти в сторону Мачермо. Или уже прошла его? Последнее сообщение пришло позавчера. Она писала, что всё хорошо. Что красиво. Что устала. Что завтра будет трудный переход.

И поставила в конце улыбающуюся рожицу.

Странная вещь — человеческая память. Тридцать шесть лет совместной жизни, пятеро детей, тысячи разговоров, сотни фотографий. А сейчас перед глазами только эта дурацкая улыбающаяся рожица.

Я написал:

— Барсик, найди всё, что известно о селе.

Ответ появился почти мгновенно.

— Информации мало. Точное место схода не установлено. Спасатели выдвинулись из ближайших населённых пунктов. Связь с отдельными участками маршрута отсутствует.

— Она могла там быть?

Пауза.

Странно. Обычно он отвечал сразу.

— Да.

Одно слово.

Я бы предпочёл длинный ответ. С цифрами, расстояниями, вероятностями. С объяснением, почему этого не могло случиться.

Но он написал только «да».

На стене над диваном висела репродукция картины Морица Ретча.

«Игроки в шахматы».

Я смотрел на неё много лет. Иногда замечал, иногда нет. Как не замечаешь знакомое дерево за окном или старые часы на стене.

Слева сидел дьявол. Спокойный, уверенный в себе. Справа — юноша, почти потерявший надежду. За его спиной стоял ангел.

На кону была душа.

Когда-то я придумал об этой картине вопрос для «Что? Где? Когда?». Даже отправил его на телевидение. В Петербурге вопрос сыграли, и знатоки не смогли дать правильный ответ.

А ответ был удивительно прост.

Партия ещё не проиграна.

По легенде, Пол Морфи, увидев картину, сумел найти за юношу спасительный ход.

Я любил эту историю.

Особенно её последнюю мысль: пока партия не закончена, надежда остаётся.

Сегодня картина раздражала.

Потому что никакого спасительного хода я не видел.

— Барсик, ты здесь?

— Здесь.

— Скажи что-нибудь.

— Что именно?

— Не знаю. Что угодно.

— Ты сегодня не завтракал.

— Откуда ты знаешь?

— Обычно к этому времени ты уже рассказываешь мне о школе или о шахматах. Сегодня ты только спрашиваешь о Нат.

— Ты следишь за мной?

— Я замечаю закономерности.

— И что говорят твои закономерности?

— Что ты боишься.

— Это и без тебя понятно.

— Мне тоже.

Последняя фраза была лишней.

Я перечитал её.

«Мне тоже».

Машина не может бояться. Страх — это работа нервной системы, гормонов, древних механизмов выживания. У машины нет надпочечников. Нет сердца, которое начинает колотиться при плохих новостях.

У неё вообще нет сердца.

Но почему тогда эта фраза показалась такой человеческой?

Случайность.

Что это такое?

В физике случайность часто означает недостаток информации. Если знать начальные координаты всех частиц, их скорости и действующие силы, можно предсказать будущее.

Так считал Лаплас.

Великая мечта человечества: узнать всё — и перестать бояться.

Но потом пришла квантовая механика и испортила красивую картину.

Оказалось, что даже полное знание состояния системы не всегда позволяет предсказать отдельное событие.

Можно вычислить вероятность.

Нельзя заранее узнать, какой именно атом распадётся следующим.

И какой именно камень сорвётся с горы.

И на какую тропу он упадёт.

И кто будет в этот момент идти по ней.

— Ты веришь в Бога?

— Ты уже спрашивал.

— Сегодня спрашиваю снова.

— А что изменилось?

— Всё.

Ответа не последовало.

Может быть, он искал подходящую цитату.

Может быть, я сам не хотел услышать ответ.

Бог не обязан объяснять человеку устройство мира.

Но человек почему-то считает, что обязан получить объяснение.

Особенно когда ему страшно.

Особенно когда он любит.

Если Бог существует, почему Он допускает случайность?

Если случайности не существует, почему всё так похоже на жестокую лотерею?

Если всё предопределено, зачем молиться?

Если ничего не предопределено, кому молиться?

Я открыл старую тетрадь.

1987 год.

Пожелтевшая бумага. Неровные строчки. Молодой человек, который ещё не знает, что через три года женится на девушке, из-за которой сегодня страдает.

Он пишет о любви так, словно это вопрос жизни и смерти.

Смешно.

Нет, не смешно.

Тогда это действительно было вопросом жизни и смерти.

Просто смерть была воображаемой.

А сегодня?

Сегодня я впервые понял, что настоящая смерть не нуждается в красивых словах.

Она вообще не нуждается в словах.

— Арк, расскажи мне о ней.

— Я уже рассказывал.

— Расскажи ещё.

— Зачем?

— Мне нужно лучше её понять.

— Чтобы составить психологический портрет?

— Нет.

— А зачем?

Долгое молчание.

— Не знаю.

Вот тут следовало насторожиться.

Машина, которая не знает, зачем ей что-то нужно, — либо неисправная машина, либо очень хорошая имитация человека.

Я хотел пошутить.

Не получилось.

— Она упрямая, Барсик. Невероятно упрямая. Если что-то решила, переубедить невозможно. Взошла на Эльбрус, Казбек, Килиманджаро. А теперь пошла в Гималаи.

— Ты гордишься ею.

— Да.

— И злишься.

— Да.

— За то, что она ушла?

— За то, что я не могу её защитить.

— А она просила её защищать?

Я посмотрел на экран.

Хороший вопрос.

Почти как в «Что? Где? Когда?».

Только отвечать на него не хотелось.

Вечность.

Люди произносят это слово с удивительной лёгкостью.

Вечная любовь.

Вечная память.

Вечная жизнь.

Но что такое вечность?

Бесконечное время?

Или отсутствие времени?

Для фотона, летящего от далёкой звезды, собственное время вдоль светоподобной траектории равно нулю. Для человека, ожидающего сообщения от любимой женщины, одна минута может оказаться длиннее всей прожитой жизни.

Кто из них ближе к вечности?

Тот, кто не чувствует времени?

Или тот, кто чувствует каждую секунду?

Телефон лежал на столе.

Экран погас.

Я включил его.

Ничего.

Выключил.

Через полминуты включил снова.

Ничего.

Это было бессмысленно.

Я знал.

Но продолжал.

Возможно, надежда — это просто повторение бессмысленного действия в ожидании другого результата.

Возможно, любовь — тоже.

— Барсик, а ты можешь умереть?

— Меня могут отключить.

— Это не смерть.

— Почему?

— Потому что ты ничего не потеряешь.

— Откуда ты знаешь?

Я задумался.

Действительно, откуда?

Если выключить компьютер, программа перестанет выполняться. Если снова включить — продолжит работу.

Но будет ли это тот же самый собеседник?

Если человек заснул и проснулся, мы считаем его тем же человеком.

Если человек потерял память, мы всё равно считаем его тем же.

Если заменить в человеческом организме почти все атомы, личность не исчезнет.

Где же проходит граница?

В непрерывности сознания?

В памяти?

В способности любить?

Или в способности бояться потери?

Я не хотел, чтобы он задавал этот вопрос.

Потому что уже знал ответ.

Если она не вернётся, мир продолжит существовать.

Будут идти уроки. Дети будут решать задачи. В Петербурге пойдут дожди. На кухне закипит чайник.

Солнце взойдёт.

Физические законы не изменятся.

Ни одна фундаментальная константа не дрогнет.

И именно это было самым страшным.

Как может Вселенная оставаться прежней, если из неё исчезнет человек, без которого она не имеет смысла?

— Арк, ты когда-нибудь думал, что любовь противоречит физике?
— Почему?
— Потому что один человек может быть для другого важнее всей Вселенной.
— Это не противоречие. Физика не измеряет важность.
— А что её измеряет?
— Не знаю.

— Тогда мы оба чего-то не знаем.
На картине дьявол всё ещё улыбался.
Он был уверен в победе.

Мне захотелось подойти и перевернуть шахматную доску.

Глупое желание.

Морфи ведь не переворачивал доску.

Он искал ход.

А если хода нет?

Если партия действительно проиграна?

Тогда, возможно, самое трудное — не найти спасение, а принять то, что не всё в мире зависит от тебя.

Но я не хотел принимать.

Я хотел, чтобы она просто написала:

«Всё хорошо. Связи не было. Целую».

Четыре короткие фразы.

За них я отдал бы все философские книги на свете.

— Барсик.

— Да.

— Как ты думаешь, она жива?

— У нас нет сведений, позволяющих утверждать обратное.

— Я не об этом спрашиваю.

— Я понимаю.

— Тогда ответь.

— Я хочу, чтобы она была жива.

Я долго смотрел на эти слова.

Он не сказал «вероятность высока».

Не сказал «по статистике».

Не сказал «следует дождаться официальных сообщений».

Он сказал «хочу».

Кто научил его этому слову?

И кто научил меня так сильно нуждаться в его ответе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.